

*Б.Б.Родоман,
доктор географических наук,
Университет российской академии образования*

Идеальный капитализм и реальная российская экономика

Экономические законы действуют через менталитет и обычаи, поэтому важно изучать национальные варианты хозяйственных укладов, сложившиеся в разных странах. Чистого капитализма, свободного от государственного и криминального вмешательства, не существует нигде, но известна его идеальная модель, которую нарисовали великие экономисты XX в. Л.Мизес и Ф.Хайек. С этой моделью я хотел бы сравнить реальную экономику сегодняшней России, чтобы еще на шаг приблизиться к пониманию загадочной страны.

Власть вместо собственности

Основа капитализма — частная собственность, однако в России институт частной собственности не может до конца сложиться, потому что нет гарантий ее сохранения. В нашей стране, чтобы удовлетворить высокие притязания, надо обладать не собственностью, а непосредственной властью. Чтобы получить власть, надо поступить на службу государству или иной организации, способной к неэкономическому принуждению, в лучшем случае самому возглавить такую организацию.

Экономическая власть выражается в управлении потоками вещества, энергии, информации. В России руководитель производства и рядовой работник заинтересованы не в декларированных результатах деятельности, а в объеме проходящего мимо потока людей, товаров, услуг, сырья, денег и т.п. Чем больше поток, тем больше благ можно использовать для личных нужд, поэтому выгодно не экономить ресурсы, а всячески их расходовать, портить, уничтожать.

У нас сколько-нибудь значимая частная и псевдочастная собственность принадлежит немногочисленной элите и служит не про-

изводству, а присвоению и потреблению ранее накопленных богатств, в создании которых новые собственники, как правило, не участвовали. Идея добровольного инвестирования долгосрочных мероприятий постсоветскому российскому менталитету чужда, но принудительное изъятие обычно и всегда ожидается, поэтому легальное обладание частной собственностью — источник беспокойства и опасности для ее владельца. Гораздо надежнее служба под государственной крышей с удовлетворением повседневных потребностей за казенный счет. Номенклатурные привилегии чиновников и депутатов не отменены, но постоянно расширяются.

Ограниченная ответственность

Частичная, но скрытая приватизация советской экономики началась в так называемые "застойные" годы, в период правления Л.И.Брежнева, а после 1991 г. этот процесс был легализован. Многие государственные предприятия не случайно были преобразованы (переименованы) в общества и товарищества с ограниченной ответственностью: руководители и их подчиненные не отвечают за убытки своей личной собственностью. Рабочие акционированных предприятий не чувствуют себя совладельцами и по-прежнему мало заинтересованы в прибылях и качестве продукции.

Та часть имущества, которую у провинившегося чиновника и обанкротившегося хозяйственника можно конфисковать по суду, ничтожна в сравнении с тем, что он скрыл, перевел за границу, разместил у родственников и друзей. Да и невозможно отобрать у человека то, что он проел, пропил, промотал, проездил. Даже процедура банкротства предусмотрена так, чтобы никто не поплатился из личного кармана.

Конфискация и переделы имущества

Наживать добро руками частных можно гораздо эффективнее, нежели полагаться на усердие и честность управляющих казенными предприятиями. Периодически государство позволяет некоторым людям сколотить состояние, чтобы потом его отобрать. Этот обычай практиковался в средневековой Европе, а в России он существует неизменно.

Иван Грозный отбирал вотчины у бояр. При Екатерине II были секуляризованы земли церкви, но после этого не препятствовали расширению церковных владений. Большевики национализировали собственность землевладельцев и фабрикантов, но при нэпе разрешили мелкие частные предприятия, чтобы затем их конфисковать. Крестьянам позволили нажить добро, а потом раскулачили.

После Второй мировой войны сбережения конфисковывали через механизмы денежных реформ и инфляции. Только что прошедший этап экономической трансформации начался с гиперинфляции, с обмана ваучерами и с финансовых пирамид, а закончился обвалом в августе 1998 г. — очередным актом затянувшейся "революции богатых против бедных". Анонимно и неявно обирать миллионы нищих — более эффективный способ обогащения, нежели открыто отнимать у горстки богачей. В этом видится отличие 1992 г. от 1918 г., прогресс экспроприационной экономики, более искусное использование сложившегося государственного аппарата. И сегодня вся частная собственность не застрахована от национализации и деприватизации.

Российская экономическая система постоянно стимулирует воровство у разных категорий "трудящихся", натравливает их на другие социальные слои, на беззащитную общественную собственность и природные ресурсы. Продолжается массовая раздача и стихийный захват земель колхозов, совхозов, лесхозов, национальных парков, заповедников под огороды и дачные участки, вырубка и застройка лесопарков и водоохраных лесов.

Воровские обычаи

В России нет независимых деятелей, выступающих на свой страх и риск наедине с законом и рынком, у каждого должна быть "крыша". Всякий, кто кажется частником, от уличного торговца до банкира, на самом деле — наемный служащий теневых структур, которые отводят ему рабочее место и определяют, какую долю дохода он может себе оставить. Если вы выйдете на улицу продавать сигареты или просить милостыню, к вам подойдет представитель хозяина данной территории и укажет, на каких условиях вы можете на него работать.

Для России характерна не экономическая конкуренция, а раздел участков между хозяйничающими группировками. При переделах сфер влияния бывают разборки с убийствами. Российская экономическая система руководствуется не писаными правилами, а обычаями, похожими на тюремные, "воровскими законами"; их неопределенность, несогласованность, изменчивость приводят к дополнительным конфликтам. Переливы капиталов сопровождаются потоками крови. Этические нормы в экономике задает криминалитет, и только он может принудить к их выполнению.

Полулегальные доходы могут поступать не в личную собственность, а в так называемый *общак* — подпольный фонд, которым распоряжается вор в законе — профессиональный преступник, находящийся на свободе и в деловых отношениях с "правоохрани-

тельными органами". Деньги отмываются в легальных финансовых учреждениях, специально для этого созданных, переводятся за границу, вкладываются в недвижимость. Те, кого мы, быть может неправильно, называем мафией, взяли на себя функции социалистического государства, раздробили, децентрализовали, отчасти приватизировали командную систему.

Неравенство и вертикальные связи

В капиталистической экономике преобладают горизонтальные связи между равноправными продавцами и покупателями рабочей силы, вещей, услуг, а для России это не типично; у нас один партнер ставит условия и господствует, а другой принимает и подчиняется.

Большинство мужчин в России прошли через армию или тюрьму. Традиционная советская семья, детский сад, средняя школа тоже подавляли индивидуальность. Теперь жертвы репрессивного воспитания бросились в коммерцию. Вместе с тем самыми видными бизнесменами стали выходцы из комсомольского аппарата и КГБ, хорошо сохранившие прежние личные связи и обычаи. А priori можно предполагать, что в российском бизнесе мало свободы, инициативы, ответственности, равноправия, горизонтальных связей, но много зависимости, принуждения, безответственности, иерархических вертикальных связей, командования, подчинения.

Экономика в тени

В странах развитого капитализма теневая экономика связана с запрещенными занятиями. В России симбиоз государства и криминалитета загоняет в тень респектабельную и жизненно необходимую экономическую деятельность. Производство конкурентоспособных товаров и услуг у нас возможно только полулегально, поскольку часть доходов всегда утаивается, а дань платится и государству, и рэкетирам. Реальная заработная плата в частном секторе, как правило, отличается от формальной, указанной в отчетах. Скрупулезное соблюдение уголовного кодекса и налоговых правил немедленно разорит любого коммерсанта, ремесленника, крестьянина.

Не в супермаркетах, бутиках и шопах, а в уличных ларьках, на мелкооптовых и розничных рынках удовлетворяется теперь большая часть потребностей населения в пище, одежде, хозяйственных товарах. Рабочее время продавцов, перевозчиков, грузчиков не ограничено законом, они не объединены в профсоюзы, не заключают трудовых соглашений, не зарабатывают себе трудовой стаж и пенсию. Такую деятельность можно считать полутеневой, даже если хозяева зарегистрированы и имеют лицензии. В разви-

тых странах теневая экономика прячется в подполье, а у нас она бросается в глаза, существует на виду у "правоохранительных органов", которые заинтересованы в ней, как охотник в размножении дичи.

Импульсы насилия

В теневой экономике сделки не имеют юридической силы, устные договоры нарушаются не столько по злым намерениям, сколько по не зависящим ни от кого обстоятельствам. Чтобы принудить к уплате, должника предупреждают и "включают счетчик" (быстро набегающие проценты), нередко избивают, пытаются, убивают. Пострадавший вынужден так же "выколачивать долги" из своих должников или кого-то ограбить. По цепям экономических связей передаются импульсы насилия.

На свободном рынке изменения цен одним обещают прибыль, другим угрожают разорением. Российский коммерсант непосредственно подчиняется не рынку, а конкретным лицам и получает угрозы физической расправы. В нашей экономической системе насилие — не побочный фактор, оно органически сочетается со стоимостными стимулами. С падением тоталитаризма принуждение и насилие рассредоточились и приватизировались, но по-прежнему регулируют экономику. Пионеры российского бизнеса должны быть готовы убивать и быть убитыми.

Ненадежность партнеров

Капиталистической промышленности нужна своевременная поставка сырья и комплектующих изделий, точное выполнение обязательств при высоком уровне честности и доверия. В России из-за ненадежности партнеров приоритетны сравнительно простые виды деятельности, в которых получение товара или услуги и их оплата почти одновременны, а участники сделки общаются лично.

В России имеются благоприятные условия для добычи полезных ископаемых, для производства стройматериалов и строительства, особенно для земляных работ, для мелкого домашнего сельского хозяйства. Впечатляют успехи розничной торговли и сферы услуг, но нерационально распылена перевозка грузов. По-прежнему плохими являются условия для товарного сельского хозяйства, легкой промышленности, невоенного машино- и приборостроения. Немало россиян ездят за границу, но отечественные туристские ресурсы используются слабо; отпугивает плохой сервис, преступность, репутация "горячих точек". Неполнота и однобокость российской экономики до осени 1998 г. компенсировались импортом.

Община вместо индивида

В атмосфере беззакония доверять можно только близким людям — друзьям и родственникам. В бизнесе и политике дружба ненадежна, а в традиционных, патриархальных обществах выше дружбы ценится родство, накладывающее на члена общины определенные обязательства; к их выполнению может принудить суд родичей. Чтобы опираться в бизнесе на родственников, их надо иметь в довольно большом количестве и они должны быть хорошо распределены по территориям и маршрутам, охваченным коммерцией. Этой возможности, как правило, лишены европейские нуклеарные городские семьи. Преимущество получают азиатские этнические группировки с многодетными семьями и разветвленными родственными связями.

Краеугольный камень либерального капитализма — свободный индивид, автономная особь вида *Homo economicus*. Для криминализованной России не характерна экономическая личность, типичны агенты, выполняющие волю хозяев. Чтобы успешно функционировать в любой сфере, нужна не кооперация равноправных партнеров, а своевременное вступление в некоторую группировку, подчинение ее вожаку. Но еще лучше — не вступать в сообщество, а родиться в нем, унаследовать статус своей касты. Интересно, что в столичной российской среде, выдающей себя за постиндустриальную, наиболее жизнеспособны "производственные отношения" доиндустриального общества. Тем более что в провинции, вероятнее всего, оживление первобытных черт¹.

Сокровища из кирпича и бетона

Девяностые годы называют "эпохой первоначального накопления" (в который уже раз?), но парадокс в том, что именно сбережение и накопление у нас затруднено и бессмысленно: нельзя доверять ни государству, ни частным компаниям. Все виды вкладов и ценных бумаг скомпрометированы, страхование ненадежно, обещанная накопительная пенсионная система не внушает доверия. Накапливать в большом количестве можно лишь неликвидные сокровища с риском их порчи и потери.

В окрестностях Москвы толстостенные кирпичные коттеджи в два-три этажа и выше растут всюду как грибы после дождя. Можно подумать, что золотой дождь пролился на головы москвичей благодаря мудрым реформам и появившийся "средний класс" бросился улучшать свои жилищные условия. На самом деле строительный

¹ Подробнее об архаизации российской глубинки см.: *Родман Б.Б.* Пространственная поляризация и переориентация // *Куда идет Россия?. Трансформация социальной сферы и социальная политика.* М., 1998. С. 178—183.

бум начался одновременно с либерализацией и приватизацией. Хозяева загородных дворцов имеют в городе хорошие квартиры и не собираются с ними расставаться. В кирпичных особняках большую часть года никто не живет. Недвижимое имущество стало главным средством сохранения капитала не только потому, что его стоимость обещает возрастать, но прежде всего потому, что эти постройки невозможно украсть и трудно уничтожить. Даже если террористы подорвут дом, останется земельный участок.

Универсализация вместо специализации

При настоящем капитализме высокая производительность достигается благодаря специализации и разделению труда. В идеале каждый занят своей профессией, а на заработанные деньги приобретает любые товары и услуги. В России из-за ненадежности исполнителей, мошенничества и завышения цен монополиями и посредниками бывает выгоднее все делать самостоятельно.

В будни россияне отбывают "барщину" на государственных и псевдочастных предприятиях, а в выходные и праздничные дни работают на себя. Большинство семей рабочих, инженеров, чиновников имеют за городом крохотные земельные участки. В "свободное" время трудом "отдыхающих", "безработных", "нетрудоспособных" (пенсионеров) производится сельскохозяйственная продукция, строятся дома, оборудуются квартиры. Торговец-челнок сам закупает товары, сам их грузит, перевозит, продает скупщикам.

Колхозы и совхозы отказались от специализации и занимаются всеми доступными видами сельского хозяйства, ремонтом, торговлей, строительством. Такими же разносторонними кормильцами своих служащих стали многие промышленные комбинаты, научные институты, воинские части. Каждое учреждение, предприятие, ведомство старается иметь у себя разные цеха, службы, машины, даже если они редко используются. Теоретики капитализма сочли бы такую организацию труда крайне неэффективной. Самообслуживание, натуральное хозяйство, бартер, экономическая автаркия помогают выжить при войнах, разрухе, кризисе, но это не настоящая рыночная экономика, а нечто противоположное.

Мельчайшие предприятия вместо малых

Российская власть препятствует легальному малому бизнесу негосударственного происхождения, но низшие служащие этой власти фактически заинтересованы в существовании мельчайших, разрозненных и бесправных деятелей, чтобы их притеснять, имитируя борьбу с правонарушителями, грабить, опекать, брать под свою "крышу".

Так, от торговцев-челноков кормятся "правоохранительные" органы, таможенники, служащие государственного и муниципального транспорта. Администрация сама не позволяет мелкой торговле преобразоваться в крупную и легальную, свободную от рэкета.

Аналогичное положение наблюдается и в сельском хозяйстве. Главный отечественный источник продовольствия — приусадебные и дачные земельные участки селян и горожан, площадью в несколько соток (акров), но они не превращаются в более крупные фермы площадью в несколько десятков гектаров. Против фермерства в российской деревне рьяно ополчаются и начальство, и население. Одержимые завистью и ксенофобией, крестьяне не дают возможности выделиться односельчанам и не допускают к земле чужих, приезжих. Парцеллярные хозяйства большей частью не специализированы и не механизированы, их продукция потребляется главным образом членами семьи владельца, а выход на рынки крупных городов подавлен и стеснен мощными конкурентами и монопольными перекупщиками. Кооперироваться самостоятельно и снизу мелкие сельские производители не могут и не хотят, поскольку уже состоят в псевдокооперативах и квазитовариществах, управляемых прежними хозяевами, выходцами из советской партхозноменклатуры. Безответственное рабство, крепостничество, колонат на старых колхозно-совхозных латифундиях, оказывается, удобнее, проще и легче, чем полное риска самостоятельное хозяйствование.

Социальные крыши и снабженческие конторы

Капиталистические предприятия выпускают товарную продукцию, приносят прибыль, платят налоги, выдают заработную плату. В нашей стране многие фабрики и заводы не выполняют этих важнейших функций, но при этом не становятся банкротами, не закрываются, а их работники не увольняются и пользуются изощренными способами, чтобы отсутствовать на рабочих местах по несколько дней и даже недель. К праздникам и отгулам весьма кстати добавились простой и неполная занятость, длительные отпуска без сохранения содержания. Фактически всеобщими стали затяжные рождественско-новогодние и пасхально-майские каникулы у взрослых горожан. Жизнь у конвейеров и станков замирает в периоды сбора урожая и заготовки продуктов на зиму.

Рабочие и служащие растаскивают и продают имущество предприятия, обмениваются добычей с такими же работниками из других цехов и отделов, из ворованного материала строят дачные домики и сараи, возделывают сады и огороды, подрабатывают извозом и ремонтом, торгуют на улицах, но сохраняют свой социальный статус и трудовой стаж. Аналогичен, но более всесторонен и прочен симбиоз крес-

тьянского двора с колхозом или совхозом: от него семья получает корма, топливо, удобрения, стройматериалы, машины (во временное пользование), но больше всего расхищается рабочее время. Унаследованные от СССР заводы и фабрики, колхозы и совхозы не столько производственные предприятия, сколько *потребительские сообщества*, полукриминальные, полутеневые кооперативы, обеспечивающие своих членов ресурсами и условиями для индивидуальной хозяйственной деятельности. Такие "производственные отношения" стали заметными в апогее брежневского и горбачевского социализма, при рыночной трансформации они либерализовались, а при нынешнем финансово-экономическом обвале распространяются еще шире.

Города, построенные в советское время, — это агломерации рабочих поселков. Заводам принадлежат жилые дома, общественный транспорт, медицинские учреждения, базы отдыха, сельскохозяйственные фермы. С заводских электростанций и котельных люди получают свет и тепло; автобусы предприятий отвозят тружеников на садовые участки и на рыбалку, а детей в летние лагеря. В крупных и старых городах — центрах и столицах республик, краев, областей — заводам легче передать другим хозяевам социальный и коммунальный сектор, но в остальной России купить на аукционе промышленный комбинат — значит взвалить на свои плечи город или даже регион со всеми жителями и окружающей средой; это почти то же, что в XVIII в. приобрести завод вместе с крепостными рабочими, их семьями, избышками, огородами и сенокосами. Такого рода сюрпризы ждут иностранных акционеров и концессионеров.

Россия — не только отстающее и догоняющее звено в общей эволюции человечества, но и инертная географическая реальность, поддерживающая константы и повторяющая собственные колебания своей истории. Представление о том, будто наша страна переживает "переходный период" от советского социализма к западному капитализму, удобно, чтобы обнадеживать страждущее население и потенциальных инвесторов, но вряд ли пригодно для научного анализа и прогноза. Мало помогают и зарубежные образцы (США, Чили, Китай, азиатские "тигры", послевоенное "чудо" в Германии и Японии). Россия заслуживает того, чтобы подходить к ней непредвзято, без заимствованных эталонов. Сегодняшнее своеобразие российской экономики больше всего заключается, пожалуй, в том, что она оказалась между давно сложившимся мировым рынком и недавно открытыми для него кладовыми ресурсов, а вся наша хозяйственная деятельность — это прежде всего разбазаривание ценностей, накопленных природой и людьми, экономика большой трубы, через которую вытекает и вылетает все, что можно украсть и промотать.